

В. М. Кружинов, З. Н. Сокова
**АЛЬТЕРНАТИВНЫЕ ФОРМЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ВЛАСТИ
ОСЕНЬЮ 1917 г.: РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ**

УДК 94 (571.1) "1917"

ББК 13 (253.3) 611

В статье на материалах Урала рассматривается малоисследованная проблема — история органов многопартийной социалистической власти, которые после падения Временного правительства образовались в различных регионах России и связывались в массовом сознании с альтернативой формирующемуся большевистскому режиму и с проведением революционных преобразований в относительно мирной форме. Анализ архивных источников и материалов региональной периодической печати 1917 г. позволил реконструировать подходы участников российского политического процесса к пониманию природы и задач многопартийной социалистической власти: 1) «просоветский» (предлагался левыми меньшевиками и эсерами) — предполагал создание властной коалиции под эгидой Советов и разделялся умеренным крылом в большевистской партии; 2) «антисоветский» (выдвигался меньшевистско-эсеровским центром) — отводил решающую роль в этом процессе институтам, созданным на основе всеобщего избирательного права, в первую очередь Учредительному собранию, и ассоциировался в представлении большевиков с продолжением курса на сотрудничество с буржуазией. Установлено, что в условиях глубокого социального раскола и острой политической конфронтации эти различия приобретали антагонистический характер, сужая пространство для соглашения между большевиками и умеренными социалистами. В результате поиски альтернативных властных комбинаций, предпринимавшиеся социалистическими организациями на Урале, носили импульсивный характер, сталкивались с противодействием противников компромисса, с давлением агрессивно настроенной части рабочего класса и разлагавшейся армии, что привело к роспуску органов многопартийной социалистической власти, предопределив ожесточенный характер российского политического процесса.

Ключевые слова: *альтернативность, многопартийная социалистическая власть, компромисс, политическая конфронтация, большевики, меньшевики, эсеры, Викжель, Советы, Урал*

Падение Временного правительства и образование на II Всероссийском съезде Советов большевистского Совнаркома придали особое звучание поискам альтернативных правительственных комбинаций, с которыми связывались надежды на ослабление политической конфронтации и достижение гражданского консенсуса, что являлось непреложными условиями выхода страны из всеобъемлющего кризиса. Центральное место в реализации этих планов отводилось переговорам об однородном (многопартийном) социалистическом правительстве, проходившим в последние дни октября — начале ноября 1917 г. в Петрограде.

Кружинов Валерий Михайлович — д.и.н., профессор кафедры отечественной истории, Тюменский государственный университет (г. Тюмень)
E-mail: vm.kruzhinov@mail.ru

Сокова Зинаида Николаевна — д.и.н., профессор кафедры новой истории и мировой политики, Тюменский государственный университет (г. Тюмень)
E-mail: sokova.zn@gmail.com

Инициированные лидерами крупнейшего профессионального объединения страны — Всероссийским исполнительным комитетом железнодорожного профсоюза (Викжель), переговоры об однородном социалистическом правительстве вызвали широкий резонанс во многих регионах страны. Свое отношение к ним высказали организации политических партий и профсоюзы, органы местного самоуправления и Советы, фабрично-заводские и солдатские комитеты. Одновременно в Астрахани, Екатеринбурге, Иркутске, Курске, Перми, Рязани, Симбирске, Смоленске, Тамбове, Томске, Туле, Уфе и других городах возникли городские или губернские органы коалиционной власти с участием большевиков и умеренных социалистов, что свидетельствовало о популярности идеи многопартийного социализма, ее позитивном потенциале.

К этим событиям обращались многие отечественные и зарубежные исследователи, в работах которых были проанализированы стратегические и тактические цели участников

переговоров под эгидой Викжеля, причины и последствия их неудачного завершения.¹ Иная историографическая ситуация сложилась с изучением региональных органов многопартийной социалистической власти, оказавшихся на периферии научных интересов историков и в лучшем случае представленных фрагментарными сведениями общего характера. В предлагаемой читателю статье эта проблема исследуется на материалах архивов и периодических изданий Урала 1917 г. — крупного российского региона, где тенденция к компромиссу между враждующими социалистическими организациями проявилась в больших масштабах, чем на неудачных переговорах в Петрограде, что привело к созданию органов коалиционной социалистической власти в 10 городах края. Сравнительный анализ обстоятельств образования этих органов власти, их функционирования, а затем и ликвидации необходим для воссоздания целостной картины формирования послеоктябрьского политического пространства, для определения места в этом процессе региональных институтов.

***

Углубление внутренних противоречий и нарастающая радикализация массового сознания стремительно меняли расстановку сил на политическом поле России после победы Февральской революции. Наряду с усилением позиций большевиков, ускорилось размежевание в меньшевистской и эсеровской партиях, левые течения которых выступили против коалиции с либералами, призывая создать широкий революционный фронт социалистических партий, нацеленный на завоевание Советов «пролетарскими и примкнувшими к ним последовательно демократическими элементами» и на образование однородного социалистического правительства с участием большевиков.² С этим правительством связывались надежды на немедленное заключение мира, на проведение преобразований в интересах социальных «низов», а также на скорейший созыв Учредительного собрания.

¹ См.: Рабинович А. Попытки формирования многопартийного демократического социалистического правительства в 1917 году в России // История СССР. 1990. № 6. С. 191–207; Бурганов А. Х. Была ли возможность создания демократического правительства после Октябрьской революции? // Отеч. история. 1993. № 5. С. 26–38; Злоказов Г. И. Переговоры об «однородном социалистическом правительстве» после Октябрьской революции // Отеч. история. 1996. № 5. С. 132–145; и др.

² См.: Суханов Н. Н. Записки о революции. М., 1991. Т. 2, кн. 3–4. С. 246, 247.

Несмотря на то что такой взгляд на происхождение и задачи многопартийного социалистического правительства и не был идентичен большевистскому лозунгу «Вся власть Советам!», так как не ставил вопрос о замене старого аппарата управления новым, советским, но он и не противоречил ему, выдвигая Советы (хотя бы до созыва Учредительного собрания) на роль главного арбитра, определяющего судьбы России. В данном контексте этот взгляд разделялся многими руководителями уральских большевиков, рассматривавшими Советы в качестве своеобразной «коммуникативной площадки» для консолидации «революционной демократии» с целью завоевания власти.³

На Урале вопрос об однородном социалистическом правительстве, выдвинутом Советами, впервые был поставлен в начале мая 1917 г. Екатеринбургским Советом рабочих и солдатских депутатов, который по предложению большевиков, поддержанных левыми меньшевиками и эсерами, осудил вхождение меньшевистско-эсеровских лидеров во Временное правительство, призвав социальные «низы» «сплываться вокруг своих Советов» и «готовиться к переходу власти в руки представителей революционной демократии».⁴

Эта тенденция продолжала нарастать летом 1917 г., достигнув наивысшего уровня в дни корниловского выступления, когда резолюции в поддержку создания многопартийного социалистического правительства приняли II Пермская губернская конференция партии социалистов революционеров (ПСР), съезд Советов Уфимской губернии, Советы Екатеринбурга, Невьянска, Уфы, Челябинска и других уральских городов и ряда уездов. Для реализации этого требования предлагалось срочно созвать Всероссийский съезд Советов, который, как подчеркивалось в резолюции Уфимского городского Совета, «только один может осуществить программу революционной демократии».⁵

Одновременно нарастает интерес к идее однородного социалистического правительства со стороны меньшевистско-эсеровского центра. Это особенно наглядно проявилось в ходе подготовки Демократического совещания, когда при обсуждении вопроса о принципах формирования Временного правительства

³ Уральская правда. Екатеринбург, 1917. 7 июня.

⁴ Там же. 7 мая.

⁵ Известия Уфимского Совета рабочих и солдатских депутатов. 1917. 7 сент.

нового состава организации меньшевиков и эсеров Екатеринбург, Кизеловских копей, Нижнего Тагила, Перми, Уфы, Чусовского завода и др. высказались за отстранение кадетов от участия в коалиции, обвинив их в поддержке корниловцев. Однако, в отличие от левого крыла меньшевистско-эсеровского блока, выступавшего за создание однородного социалистического правительства под эгидой Советов, меньшевистский и эсеровский центр отводил решающую роль в этом процессе Учредительному собранию, а также органам местного самоуправления, которые объективно опирались на более широкую социальную базу, чем советские организации, но в большей мере находились под влиянием умеренных социалистов, чем большевиков.

О масштабах таких настроений свидетельствует проведенный нами анализ материалов эсеровских газет Екатеринбург («Вольный Урал»), Камышлова («Заря народоправства»), Перми («Народная воля») и Уфы («Земля и воля») за сентябрь–октябрь 1917 г. Из опубликованных в них 17 статей и резолюций, выражавших отношение к идее создания однородного социалистического правительства, лишь 2 связывали его происхождение с Советами, тогда как остальные 15 — с Учредительным собранием. Одновременно меняется оценка Советов, которые начинают ассоциироваться с деструктивными силами и, по словам газеты «Народная воля», «не могут брать на себя прав и полномочий государственной власти», поскольку превратились в «придаток политических партий».⁶ На сходных позициях находилось большинство меньшевистских организаций Урала, считавших, что передача власти Советам будет означать «конец революции».⁷

В результате к октябрю 1917 г. стороны пришли не только без единой концепции однородного социалистического правительства, но и с таким грузом разногласий, что преодолеть их в условиях социального взрыва и крушения послефевральских институтов государственной власти если и было возможно, то, скорее всего, лишь на основе признания революционно-октябрьского пути развития, которому в большей мере соответствовал «просоветский» вариант однородной социалистической власти левых меньшевиков и эсеров, чем «антисоветский» — меньшевистско-эсеровского центра.

Отсюда, однако, не следует, что его интерпретация однородного социалистического правительства была абсолютно бесплодной. В качестве главного возражения против такого предположения достаточно указать хотя бы на то, что в случае реализации предложений меньшевистско-эсеровского центра, в основном соответствовавших расстановке политических сил в России, проблема консенсуса в вопросе о государственной власти, безусловно, решалась бы более глобально, а следовательно, и с меньшими потерями для общества.

Перечисленные обстоятельства оказали существенное влияние на перспективы создания многопартийной социалистической власти на Урале, где эта идея, особенно в первые дни после Октябрьского восстания в Петрограде, пользовалась популярностью. По нашим расчетам, только в первой половине ноября 1917 г. здесь было принято 32 резолюции с требованием создания однородно-социалистического правительства.⁸ В поддержку переговоров о создании такого правительства, проводившихся в Петрограде, выступили Пермский губернский комитет ПСР, эсеровские и меньшевистские организации Алапаевска, Верхотурья, Екатеринбург, Камышлова, Челябинска, Уфимское губернское совещание Советов, съезд Советов крестьянских депутатов Пермской губернии, Советы рабочих и солдатских депутатов Воткинска, Глазова, Сарапула, Нижней Салды, многие органы местного самоуправления.

Не исключали «мягкого» варианта выхода из политического кризиса и уральские большевики, реакция которых на Октябрьское восстание в Петрограде была не столь единодушно-восторженной, как это порой изображается в литературе. «В большевистском штабе, — вспоминал позднее член Уралобкома РСДРП(б) В. А. Воробьев, — шли горячие споры. Одни не верили в возможность поражения революции и настаивали на самой активной политике, другие допускали возможность победы Керенского,

⁸ Подсчитано по: Обухов Л. А. Советы Урала в 1917 году. Пермь, 1992. С. 71; Октябрь в Башкирии (октябрь 1917 — май 1918): сб. документов и материалов. Уфа, 1979. С. 22, 23; Вперед! Уфа, 1917. 3, 7 нояб.; Вятская речь. Вятка, 1917. 11 нояб.; Елабужская рабочая газета. 1917. 20 нояб.; Заря народоправства. Камышлов, 1917. 8, 13 нояб.; Зауральский край. Екатеринбург, 1917. 12, 17, 21 нояб.; Кама. Сарапул, 1917. 16 нояб.; Камская волна. Оса, 1917. 11 нояб.; Кунгурский листок. 1917. 7 нояб.; Народная воля. 1917. 6, 8, 13 нояб.; Народная свобода. Шадринск, 1917. 6 дек.; Уральская жизнь. Екатеринбург, 1917. 7, 15 нояб.; Уральский рабочий. 1917. 7, 10, 18 нояб.; ЦАОО РБ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 32. Л. 67; Ф. 1832. Оп. 2. Д. 40. Л. 200б.; ЦДООСО. Ф. 41. Оп. 2. Д. 340. Л. 11.

⁶ Народная воля. Пермь, 1917. 19 окт.

⁷ Пермская жизнь. 1917. 20 окт.

но сдаваться ему без боя не хотели. Были и такие, которые предлагали, не выжидая даже хода событий, сложить оружие, считая, что петроградцы слишком зарвались вперед, что массы еще не достаточно созрели для осознания пролетарской революции и активной борьбы за нее». Причем, подчеркивает В. А. Воробьев, обсуждение всех этих предложений велось «самым активным образом».⁹

Поскольку протоколы заседаний Уралобкома РСДРП(б) тех дней не сохранились (или не велись вообще), у исследователей нет возможности в полном объеме персонифицировать возникшие в рядах уральских большевиков разногласия в вопросе о перспективах развития революции. Тем не менее, имеются веские основания полагать, что, когда из-за саботажа чиновников и служащих, выступавших в поддержку Временного правительства, Екатеринбург оказался на несколько дней отрезанным от внешнего мира и местные большевики не располагали достоверной информацией о положении в Петрограде, особый вес здесь приобрели сторонники умеренной тактики, считавшие, что единственный шанс защитить завоевания революции даст создание однородной социалистической власти. Показательна в этом отношении позиция Л. С. Сосновского — одного из руководителей большевиков Урала, избранного 25 октября председателем Екатеринбургского Совета. Выступая на следующий день перед депутатами, он высказался за единство действий всех социалистов, предложив «забыть прежние раздоры и объединиться в одно целое для предстоящей работы».¹⁰ Заметим, что этот призыв отражал не только личное мнение Л. С. Сосновского, как полагают отдельные историки,¹¹ но совпадал с настроениями многих депутатов-большевиков, преобладавших, кстати, в Совете.¹² В этом убеждает последующая позиция Совета: провозгласив себя единственной властью в городе, он через несколько дней, 31 октября, передал ее Комитету народной власти, в который должны были войти представители всех социалистических партий, Екатеринбург-

ского Совета рабочих и солдатских депутатов, Уральского областного Совета крестьянских депутатов, профсоюзов, фабрично-заводских комитетов и кооперативов.¹³ Следует отметить, что если раньше эта структура характеризовалась как «результат козней меньшевиков и эсеров», то в современной историографии считается, что основные позиции в Комитете народной власти оказались в руках большевиков.¹⁴

Проделанные нами расчеты в основном подтверждают это положение: из 19 членов Комитета народной власти шестеро (Л. И. Вайнер, П. Л. Войков, Н. Н. Крестинский, И. М. Малышев, Г. И. Сафаров, И. Я. Тунтул) являлись большевиками. Среди членов Комитета было также два меньшевика, бундовец, три эсера (в том числе два — левых) и беспартийные, по крайней мере один из которых (П. П. Браницкий) примыкал к большевикам. Еще в большей мере большевики были представлены во Временном бюро Комитета, где они заняли три места (П. Л. Войков, Н. Н. Крестинский, И. Я. Тунтул) из шести. Остальными членами Бюро стали П. П. Браницкий и левые эсеры М. Зайде и С. М. Стриженов.¹⁵ Учитывая, что на состоявшихся 5 ноября выборах в Екатеринбургскую городскую думу партии, входившие в Комитет, получили в общей сложности 69 % голосов избирателей (в том числе большевики — 46 %),¹⁶ такой состав нового органа власти следует признать достаточно представительным и в основном соответствующим расстановке политических сил в городе. При этом все участники коалиции признали октябрьские события в Петрограде «не большевистским мятежом, а народным восстанием».¹⁷

В значительной мере столь радикальная позиция Комитета народной власти объясняется тем, что главными (но, разумеется, не единственными) партнерами екатеринбургских большевиков в нем являлись местные эсеры, городская организация которых тяготела к левому

⁹ Цит. по: Моисеев С. К истории Октябрьской революции на Урале // Урал. коммунист. 1929. № 20. С. 34.

¹⁰ Уральская жизнь. 1917. 28 окт.

¹¹ См., напр.: Моисеев С. Указ. соч. С. 35; Очерки истории коммунистических организаций Урала. Свердловск, 1974. Т. 1: 1883–1920. С. 299.

¹² Из 339 депутатов Екатеринбургского Совета рабочих и солдатских депутатов 219 (64,6 %) являлись большевиками (см.: Уральский рабочий. 1917. 28 окт.).

¹³ См.: Уральская жизнь. 1917. 7 нояб.; ЦДООСО. Ф. 41. Оп. 2. Д. 340. Л. 11.

¹⁴ См.: Гаврилов Д. В. Установление советской власти в Екатеринбурге: мифы и действительность // Современные концепции проблем истории советского Урала. Свердловск, 1991. С. 28; Попов Н. Н., Бугров Д. В. Бремя упущенных возможностей: Урал в 1917 году. Екатеринбург, 1997. С. 104; и др.

¹⁵ Рассчитано по: Баранов А. Октябрь и начало гражданской войны на Урале. Свердловск, 1928. С. 29; Уральская жизнь. 1917. 7 нояб.; ГАСО. Ф. 62. Оп. 2. Д. 20. Л. 1, 2; ЦДООСО. Ф. 41. Оп. 2. Д. 322. Л. 176–177.

¹⁶ См.: Уральская жизнь. 1917. 10 нояб.

¹⁷ Уральский рабочий. 1917. 3 дек.

крылу ПСР и в основном поддержала решения II Всероссийского съезда Советов. Кроме того, по ряду принципиальных вопросов с большевиками солидаризировались представители меньшевиков и беспартийные члены Комитета. В этом отношении екатеринбургская коалиция являла собой пример сотрудничества крупных политических сил, опасавшихся создания единого антибольшевистского фронта, и в основном совпадала с макетом однородной социалистической власти, который с весны 1917 г. обсуждался на левом фланге меньшевистско-эсеровского лагеря.

Зададимся, однако, вопросом: была ли у большевиков Екатеринбурга возможность удерживать власть, опираясь исключительно на поддержку Совета, в котором они преобладали? Осознавая, что корреляционный анализ подобной ситуации во многом может носить гипотетический характер, авторы данной статьи, тем не менее, не исключают того, что при развитии событий по такому сценарию вероятность победы большевиков в Екатеринбурге по-прежнему оставалась достаточно высокой. Об этом свидетельствуют и весьма благоприятные для них результаты выборов в Городскую думу, и продолжающийся рост популярности партии среди рабочих и солдат города, и падение влияния ее основных оппонентов, и ряд других обстоятельств. В то же время нельзя не признать, что попытки установить «во что бы то ни стало» власть большевистского Совета, вероятнее всего, оттолкнули от большевиков левых эсеров и меньшевиков и спровоцировали на более решительные действия открытых противников левых радикалов, чья активность в связи с Октябрьским восстанием в Петрограде также вызывала у местных большевиков серьезные опасения. В конце концов следование этим курсом привело бы к дальнейшему нарастанию конфронтации в городе с перспективой ее перерастания в вооруженную борьбу между сторонниками и противниками нового режима.

В то же время было бы ошибочно преувеличивать объединительный потенциал Комитета народной власти, образование которого лишь ослабило антибольшевистскую оппозицию, но не могло ликвидировать ее полностью. Против Комитета выступали не только местные либералы и ориентировавшиеся на них «буржуазные» организации, чей электорат был достаточно широким (на выборах в Екатеринбургскую городскую думу его доля соста-

вила 28 % избирателей¹⁸), но и правые эсеры и правые меньшевики, рассматривавшие новый орган как «прикрытие большевистской диктатуры».¹⁹ Повод к этому давали и наиболее радикальные представители большевиков, не скрывавшие, что «нисколько не обольщают себя на счет жизнеспособности нового учреждения» и пошли на его образование «лишь в силу необходимости, не отказываясь от своего лозунга “Вся власть Советам!”»²⁰

В свете таких заявлений нетрудно заметить двусмысленность положения, в котором оказалась большевистская организация Екатеринбурга, с одной стороны, призывавшая все социалистические организации к сплочению, а с другой — остававшаяся верной революционной программе своей партии, которая если и допускала возможность компромисса с умеренными социалистами, то только при условии признания ими приоритета советской системы власти. Неудивительно, что для оппонентов Комитета такие требования были неприемлемыми: в этом смысле «умеренность» екатеринбургских большевиков представлялась им не более чем «ловушкой».

Другой вопрос, который требует дополнительного изучения, связан с причинами ликвидации Комитета народной власти и с отношением к этому акту его участников. Касаясь первой части этой проблемы, большинство исследователей обычно обращает внимание на неудачное завершение переговоров о многопартийном социалистическом правительстве в Петрограде, считая, что в первую очередь именно это обстоятельство отразилось на тактике екатеринбургских большевиков. «Политика компромисса в Екатеринбурге... — пишет, например, Л. А. Обухов, — долго продолжаться не могла. Идея однородного правительства очень быстро потерпела крах в центре, стороны заняли враждебные позиции по отношению друг к другу. Это, безусловно, сказалось и на местах».²¹

Однако мы полагаем, что если применительно к другим неудачным попыткам создания многопартийной социалистической власти в российской провинции данное рассуждение и не лишено оснований, то в отношении Екатеринбурга оно вряд ли приемлемо. Ведь

¹⁸ Там же. 11 нояб.

¹⁹ Уральская жизнь. 1917. 14 нояб.; Уральский рабочий. 1917. 3 дек.

²⁰ Вольный Урал. Екатеринбург, 1917. 3 нояб.; Уральский рабочий. 1917. 1 нояб.

²¹ Обухов Л. А. Указ. соч. С. 68.

созданный здесь Комитет народной власти почти наполовину состоял из большевиков и левых эсеров (хотя, повторимся, не только из них), которые в те дни не отрицали необходимости совместных действий. За приглашение левых эсеров в СНК, как известно, высказывались даже самые непримиримые большевики, в том числе и В. И. Ленин. Кроме того, к большевистско-левоэсеровскому блоку в Комитете примыкали некоторые беспартийные, гарантировавшие леворадикальную направленность этого органа. Поэтому утверждение о невозможности сколько-нибудь длительного сотрудничества этих сил в Екатеринбурге нуждается либо в расширенной аргументации, либо в существенных коррективах. Нам представляется наиболее плодотворным второй вариант, поскольку с ликвидацией Комитета народной власти большевистско-левоэсеровская коалиция в городе не только не распалась, а, напротив, еще более окрепла.

В этой связи нельзя не обратить внимания на следующее обстоятельство: негативное отношение екатеринбургских большевиков к переговорам под эгидой Викжеля обнаружилось не тогда, когда идея многопартийной социалистической власти «потерпела крах в центре» (Л. А. Обухов), а чуть ли не на следующий день после их начала. Так, при первых известиях об этих переговорах в газете Уралобкома РСДРП(б) «Уральский рабочий» появилась статья «Однородное министерство», в которой говорилось, что лозунг однородного социалистического правительства в том виде, как он трактуется умеренными социалистами, «имеет определенное классовое содержание и отражает колебания мелкой буржуазии». «Такое министерство, даже если оно и образуется в результате бесконечных переговоров, — отмечалось далее, — будет кратковременным перемирием и, разумеется, шагом назад от советской власти. Оно не будет решением вопроса, но отсрочкой этого решения, ибо нельзя общественные классы, пришедшие в движение, привести к молчанию».²² Поэтому, не возражая против включения в СНК представителей левых течений в рядах меньшевиков и эсеров, находившихся на платформе II Всероссийского съезда Советов, руководители екатеринбургских большевиков одновременно скептически относились к перспективам такого сотрудничества

с правым флангом этих партий.²³ Ситуация в Екатеринбурге полностью вписывалась в данную схему и не представлялась им отличной от партийной линии на переговорах с Викжелем. Отсюда становится понятным, почему, выступая против многопартийного социалистического правительства с участием всех социалистических организаций «от большевиков до энесов», они не связывали этот вопрос с Комитетом народной власти, который по своему составу был куда более радикальным.

Основной «недостаток» Комитета видится авторам данной статьи не в его партийной физиономии, а следовательно, и не в «политике компромисса» с левым крылом умеренных социалистов, которая будто бы «долго продолжаться не могла» (Л. А. Обухов), а в практически полной зависимости этого органа от исполкома Екатеринбургского Совета, из членов которого было сформировано даже Временное бюро Комитета, а решения последнего осуществлялись через советский аппарат. Все это с самого начала превращало Комитет народной власти в придаток Екатеринбургского Совета. Но если в тревожной обстановке, сложившейся в городе после первых сообщений о событиях в Петрограде, передача власти Комитету, хотя во многом и формальная, в той или иной мере все же позволяла нейтрализовать враждебные большевизму силы, то по мере укрепления позиций большевиков и ускорившегося размежевания в рядах эсеров и меньшевиков надобность в нем отпадала. На это обстоятельство как главное указывалось, кстати, и в извещении Комитета народной власти о его самороспуске.²⁴

В этих условиях среди большевистских руководителей в Екатеринбурге начинает дебатироваться вопрос о времени и формах ликвидации Комитета народной власти. Так, по мнению Ф. И. Голощекина, участвовавшего в работе II Всероссийского съезда Советов и обсуждавшего положение в регионе с В. И. Лениным, это следовало сделать как можно скорее. Другие, в частности Л. С. Сосновский, опасались того, что с роспуском Комитета ситуация в городе может вновь обостриться, и предлагали не форсировать события.²⁵ В середине ноября 1917 г. этот вопрос даже рассматривался на заседании большевистской фракции Екатеринбургского Совета, однако

²² Уральский рабочий. 1917. 2 нояб.

²³ Там же. 7 нояб.

²⁴ См.: Вольный Урал. 1917. 20 нояб.

²⁵ РГАСПИ. Ф. 70. Оп. 4. Д. 377. Л. 105, 109.

какого-либо решения по этому поводу тогда принято не было.²⁶

Между тем на волне триумфа сторонников советской власти ее поддержка среди рабочих и солдат Екатеринбурга заметно усилилась, равно как и их враждебность ко всему, что, хотя бы внешне, противостояло ей. За короткий срок ими было принято множество резолюций, выражавших доверие Совету и признававших Комитет народной власти «до тех пор, пока последний идет в контакте с исполкомом Совета». Особенно непримиримо были настроены солдаты 10-й роты 108-го полка, отказавшиеся признать «тяжелое ярмо» Комитета и продолжавшие считать Екатеринбургский Совет единственной властью в городе.²⁷ Не учитывать такие настроения ни сторонники «постепенной» тактики, ни тем более их оппоненты, конечно же, не могли. 16 ноября этот вопрос обсуждался на заседании исполкома Екатеринбургского Совета рабочих и солдатских депутатов, который принял решение о проведении 21 ноября «Дня Совета» — вооруженной демонстрации всех советских сил.²⁸ По существу, этот шаг означал, что задача роспуска Комитета народной власти передавалась на усмотрение «низов», ответ которых, как и следовало ожидать, оказался не в его пользу. Неудивительно, что уже на следующий после демонстрации день Комитет объявил о самоликвидации, и вся власть в городе вновь перешла к Екатеринбургскому Совету.²⁹

Такая развязка имела важные политические последствия. В обстановке, когда правые эсеры и меньшевики по-прежнему отказывались признать советскую власть и бойкотировали работу Совета, он превратился в полную «вотчину» большевиков, и проблема сотрудничества этих политических сил отпала сама по себе.

К тем же результатам пришли в конце концов и сторонники однородной власти в Уфе. Здесь, как и в Екатеринбурге, местный Совет также первоначально взял власть в свои руки. Для управления Уфимской губернией им был создан Революционный комитет, в состав которого вошли пять большевиков

и два левых эсера.³⁰ Однако, получив известия о переговорах под эгидой Викжеля, большевики Уфы согласились на реорганизацию Ревкома путем включения в его состав меньшевиков и правых эсеров и преобразования в «контролирующий орган». Одновременно в губернии сохранялась власть губернского комиссара Временного правительства, отстранение которого от должности было признано «нецелесообразным».³¹

Взвешивая шансы такой модели власти, нельзя не признать, что в той конкретно-исторической ситуации она, несомненно, была ближе к демократическим формам государственности и в любом случае являлась менее разрушительной, чем та модель, которая установилась в Петрограде или Москве. С другой стороны, было бы утопией ожидать от нее чудесного разрешения всех проблем местной жизни. При этом в данном случае дело заключается не только в том, что сами эти проблемы, по-видимому, нельзя было решить «в одном городе». Важнее другое: достигнутый в Уфе компромисс, по существу, являл собой попытку вырваться из тех революционных катаклизмов, которые развивались в силу своих внутренних закономерностей и могли быть усилены или ослаблены, но не остановлены по желанию той или иной партии или группы партий.

В этой ситуации властная комбинация, сложившаяся в Уфе, оказалась непрочной и недолговечной. Сохранение местных органов Временного правительства вызывало протесты «низов», требовавших ликвидации двоевластия и передачи всей полноты власти Советам. Такие резолюции были приняты на собраниях деревообделочников Уфы, солдат местного гарнизона, рабочих ряда южноуральских заводов. На этом фоне в Уфимской организации РСДРП(б) (прежде всего в ее рабочей части) нарастает радикальная тенденция, сторонники которой требуют от интеллигентских «верхов» «действовать смелее», опасаясь, что «рабочие и солдаты не простят... такие колебания».³² Под их давлением позиция ревкома ужесточается, и 19 ноября он отстраняет губернского комиссара от управления губернией и берет курс на единовластие Советов.³³

Кроме Екатеринбурга и Уфы, попытки создания однородной социалистической власти

²⁶ См.: Уральский рабочий. 1917. 16 нояб.

²⁷ См.: Борьба большевиков Урала за победу Октябрьской социалистической революции: сб. документов и материалов. Свердловск, 1957. С. 231; Уральский рабочий. 1917. 11 нояб.

²⁸ См.: Уральский рабочий. 1917. 21 нояб.

²⁹ ЦДОСО. Ф. 41. Оп. 2. Д. 28. Л. 7–8.

³⁰ См.: Октябрь в Башкирии... С. 22, 23.

³¹ Вперед! 1917. 31 окт.

³² Моисеев С. Указ. соч. С. 35, 36.

³³ ЦАОО РБ. Ф. 1832. Оп. 2. Д. 40. Л. 200б.

предпринимались и в других городах Урала — в Алапаевске, Глазове, Ижевске, Камышлове, Кунгуре, Осе, Перми, Чердыни. За исключением Алапаевска и Глазова, участие большевиков в них определялось относительной слабостью местных организаций РСДРП(б), опасавшихся, что в открытой борьбе за советскую власть они не только не добьются победы, но и утратят позиции, которые к тому времени ими уже были завоеваны. Так было в Перми, где, в отличие от Екатеринбурга и Уфы, в окружном и городском Советах преобладали меньшевики и эсеры. В ответ на большевистское восстание в Петрограде ими был образован Революционный комитет, в который вошли по три меньшевика, эсера и большевика. Предполагалось, что ревком не будет касаться политических проблем и ограничит свою деятельность вопросами местного самоуправления. Однако по мере того как советская власть, утвердившись в Петрограде, все более и более демонстрировала неприятие противников большевистского режима, позиции сторон в комитете ужесточаются и выходят за рамки первоначальной договоренности. В конце концов после принятия СНК декрета о печати меньшевики и эсеры предложили большевикам осудить этот документ. Те же, в свою очередь, отказались солидаризироваться с большинством комитета и 1 ноября вышли из него.³⁴

Последняя попытка создания однородной социалистической власти на Урале была принята в конце ноября 1917 г., когда правые эсеры Перми предложили организовать Народный совет по управлению Пермской губернией. В его состав предлагалось ввести 25 че-

ловек: 10 мест отводилось Советам, 5 — органам местного самоуправления, 5 — профсоюзам и по одному — представителям эсеров, большевиков, меньшевиков, энесов и плехановской группы «Единство». Народный совет должен был выполнять функции «губернского парламента», сместить комиссара Временного правительства и создать новый орган исполнительной власти в губернии.³⁵

В целом, предложения пермских эсеров совпадали с той моделью однородной социалистической власти, которая выдвигалась меньшевистско-эсеровским центром еще в период подготовки Демократического совещания. Неудивительно, что они оказались для большевиков неприемлемыми и были отвергнуты ими как «контрреволюционная затея» и попытка создать «ублюдочный орган с искусственно подобранным соглашательским большинством».³⁶

Таким образом, попытки осенью 1917 г. реализовать альтернативную модель политической власти закончились на Урале неудачей, что было обусловлено многими обстоятельствами. В ситуации глубокого социального раскола и межпартийной вражды поиски властных комбинаций, предпринятые большевиками и их оппонентами, носили импульсивный характер, усугублялись отсутствием единой концепции многопартийной социалистической власти, сталкивались с противодействием противников компромисса, давлением агрессивно настроенной части рабочего класса и разлагающейся армии. Это во многом предопределило ожесточенный характер российского политического процесса, придав ему, перерастающие в гражданскую войну формы.

Valery M. Kruzhinov

Doctor of Historical Sciences, Tyumen State University (Russia, Tyumen)

E-mail: vm.kruzhinov@mail.ru

Zinaida N. Sokova

Doctor of Historical Sciences, Tyumen State University (Russia, Tyumen)

E-mail: sokova.zn@gmail.com

ALTERNATIVE FORMS OF POLITICAL POWER
IN THE AUTUMN OF 1917: A REGIONAL ASPECT

The author deals with the history of the authorities of multi-party socialist power, which were formed in many regions of Russia (including 10 in the Urals cities) after the fall of the Provisional Government. These authorities were connected in the mass consciousness with the alternative to the emerging Bolshevik regime and carrying out of revolutionary changes in a relatively peaceful form. This problem has been little investigated. In the article it is considered on the materials of the Urals. The

³⁴ См.: Народная воля. 1917. 30 окт.; 3 нояб.

³⁵ Там же. 28 нояб.

³⁶ Уральский рабочий. 1917. 3 дек.

analysis made it possible to reconstruct the approaches of the participants in the Russian political process to an understanding of the nature and tasks of multi-party socialist power. The first is the “pro-Soviet” approach proposed by the left-wing Mensheviks and Socialist-Revolutionaries. It suggested the creation of an imperious coalition under the auspices of the Soviets and was shared by a moderate wing in the Bolshevik party. The second approach is the “anti-Soviet” nominated by the Menshevik-Socialist-Revolutionary Center. It attributed the decisive role in this process to institutions created on the basis of universal suffrage, primarily to the Constituent Assembly, and was associated in representing the Bolsheviks with the continuation of the policy of cooperation with the bourgeoisie. It was established that in the conditions of deep social division and acute political confrontation these differences acquired an antagonistic character and reduced the possibility of an agreement between the Bolsheviks and moderate socialists. As a result, the search for alternative power combinations, undertaken by the socialist groups in the Urals, had an impulsive character. They faced opposition from opponents of compromise, pressure from the aggressive masses of the working class and the decaying army, and led to the dissolution of the bodies of multi-party socialist power. This predetermined the further escalation of the Russian political process.

Keywords: *alternative, multi-party socialist government, compromise, political confrontation, bolsheviks, mensheviks, socialist-revolutionaries, Vikzhel, Soviets, Ural*

REFERENCES

- Baranov A.** *Oktyabry i nachalo grazhdanskoy voyny na Urale* [October and the beginning of the civil war in the Urals]. Sverdlovsk: Istpart Uralobkoma VKP(b) Publ., 1928, 113 p. (in Russ.).
- Boryba bolshevikov Urala za pobedu Oktyabryskoy sotsialisticheskoy revolyutsii** [Struggle of the Bolsheviks in the Urals for the victory of the October Socialist Revolution: Collection of papers and materials]. Sverdlovsk: Sredn.-Ural. kn. Izd-vo, 1957, 396 p. (in Russ.).
- Burganov A. Kh.** [Was it possible to create a democratic government after the October Revolution?]. *Otechestvennaya istoriya* [National history], 1993, no. 5, pp. 26–38. (in Russ.).
- Gavrilov D. V.** [Establishment of Soviet power in Ekaterinburg: myths and reality]. *Sovremennye kontseptsii problem istorii sovetskogo Urala* [Contemporary concepts of the problems of the history of the Soviet Urals]. Sverdlovsk: UrO AN SSSR Publ., 1991, pp. 22–32. (in Russ.).
- Obukhov L. A.** *Sovety Urala v 1917 godu* [Soviets of the Urals in 1917]. Perm: Perm University Publ., 1992, 116 p. (in Russ.).
- Ocherki istorii kommunisticheskikh organizatsiy Urala** [Essays on the history of the communist organizations of the Urals]. Sverdlovsk: Sredn.-Ural. kn. Izd-vo, 1974, vol. 1: 1883–1920, 383 p. (in Russ.).
- Oktyabry v Bashkirii (oktyabry 1917 – may 1918)** [October in Bashkiria (October 1917 – May 1918): Collection of papers and materials]. Ufa: Bash. kn. izd-vo, 1979, 302 p. (in Russ.).
- Popov N. N., Bugrov D. V.** *Bremya upushchennykh vozmozhnostey: Ural v 1917 godu* [Burden of missed opportunities: Ural in 1917]. Ekaterinburg: Nauka Publ., 1997, 129 p. (in Russ.).
- Rabinovich A.** [Attempts to form a multi-party democratic socialist government in 1917 in Russia]. *Istoriya SSSR* [History of the USSR], 1990, no. 6, pp. 191–207. (in Russ.).
- Sukhanov N. N.** *Zapiski o revolyutsii* [Notes on the Revolution]. Moscow: Izd-vo politicheskoy literatury, 1991, vol. 2, book 3–4, 399 p. (in Russ.).
- Zlokazov G. I.** [Negotiations on a “homogeneous socialist government” after the October Revolution]. *Otechestvennaya istoriya* [National history], 1996, no. 5, pp. 132–145. (in Russ.).